

Я. А. Голубинов
«ВСЕ КОНЧЕНО!»: ИЗ ДНЕВНИКА И ПИСЕМ
АЛЬБЕРТА СТОПФОРДА О ПОЛОЖЕНИИ В ПЕТРОГРАДЕ,
ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ 1917 г.

УДК 94 (47) "1917"

ББК 63.3 (2) 535-33

В 1917 г. свидетелями происходивших в России событий стали многочисленные представители держав Антанты. Их дневниковые записи, письма, воспоминания об этом периоде необычайно важны, поскольку дополняют новыми деталями картину процессов, происходивших в это время в России. Впервые на русском языке публикуются отрывки из дневниковых записей и писем британца Альберта Стопфорда (Albert Stopford), вхожего в высшие круги Российской империи. Они позволяют живо представить, каким образом русская революция, политический и социальный хаос 1917 г. воспринимались британским истеблишментом. А. Стопфорд, выполняя поручения британского посольства и контактируя с представителями российской аристократии, рисует картину постепенного развала государственного механизма. Главным мотивом записей А. Стопфорда становится неуверенность в завтрашнем дне, перерастающая в предвидение кровопролития, могущего случиться из-за превращения политических разногласий в гражданскую войну. В отличие от многих других иностранных наблюдателей, А. Стопфорд не общался с большевиками, которые оставались для него дикой, необузданной силой, способной окончательно уничтожить мир царской России. Записи А. Стопфорда, опубликованные анонимно в Лондоне после его отъезда из России, стали важной вехой в пропагандистской войне в годы иностранной интервенции и Гражданской войны.

Ключевые слова: *революция, Россия, 1917, Временное правительство, императорская фамилия, большевики, эго-документ*

Пояснение переводчика

Альберт Стопфорд (1860–1930) был довольно известным британским бизнесменом, специализировавшимся на покупке и продаже произведений искусства. Будучи выходцем из ирландских дворян, он быстро нашел общий язык с представителями как мира искусства, так и европейской аристократии. Карьера антиквара свела его со знатными русскими семьями, через которые он познакомился с членами императорской фамилии. В 1910-х гг. А. Стопфорд был частым гостем Юсуповых, а также близко сошелся с великой княгиней Марией Павловной, вдовой великого князя Владимира Александровича, и их сыновьями, имена которых часто появляются на страницах его дневников и писем.

В 1915–1917 гг. А. Стопфорд находился в России, причем, как отмечают исследователи, «точная роль и природа его “дел” остались неясными».¹ Действительно, при чтении его

дневниковых записей и писем возникают вопросы насчет цели его частых поездок в могилевскую Ставку верховного главнокомандующего или его визитов в Царское Село к великому князю Борису Владимировичу. Сегодня известно, что А. Стопфорд помог им переправить часть фамильных драгоценностей за границу.²

Записи А. Стопфорда вполне могли бы послужить основой для шпионского романа или цикла рассказов. Однако он предпочел опубликовать в 1919 г. свой дневник и письма как документы. Заметим, что взгляд иностранца подчас зорче и пронизательнее, чем взгляд его русских современников. Естественно, подготовка книги повлияла на отбор материала и, скорее всего, заставила подкорректировать некоторые места, что позволило автору выступить в роли провидца кровавых событий Гражданской войны.

Для перевода был выбран отрывок, освещающий события с конца июля по начало октября 1917 г. Хорошо видно, какую роль автор дневника и писем отводил генералу Л. Г. Корнилову, которого он хорошо знал и который виделся ему новым Бонапартом. Именно после неудачного выступления Л. Г. Корнилова Временное

¹ Cross A. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge, 2014. P. 392.

² См. об этом: Clarke W. M. Hidden Treasures of the Romanovs: Saving the Royal Jewels. Edinburgh, 2009.

правительство потеряло доверие масс и гибель его была предreshена. Подобные настроения были не редкостью в данный период. Думается, что А. Стопфорд, благодаря своим обширным связям, должен был служить ценным корреспондентом для множества влиятельных персон и, следовательно, влиять на мнение правящих кругов Великобритании о России. В целом, свидетельства А. Стопфорда хорошо укладываются в европейско-американский дискурс описания России той поры.³

Книга была опубликована анонимно, и авторство А. Стопфорда, как указывают библиографы, было установлено благодаря мемуарам князя В. А. Оболенского.⁴ Письма, которые А. Стопфорд публикует, чередуя их с дневниковыми записями, создавая тем самым единый нарратив, написаны одному из членов английского аристократического семейства Пемброков.⁵

Перевод представленных ниже писем и дневниковых записей осуществлен по изданию: *The Russian diary of an Englishman, Petrograd, 1915–1917*. London, 1919. 229 p. В целях сокращения убраны повторы, риторические обращения, а также известия о семейной жизни великих князей, хорошо знакомые по другим источникам. Наиболее длинный пропуск сделан в описании визита А. Стопфорда в Кисловодск, поскольку свидетельства о событиях в Петрограде были сочтены более важными. В книге имеются специальные пометы для обозначения отрывков — буквы «L» (*letters* ‘письма’) и «D» (*diary* ‘дневник’), — которые идут после указания даты записи. Эта информация сохранена и в данной публикации. В квадратных скобках приводятся пояснения переводчика. Даты приведены по григорианскому календарю.

Из книги «Русский дневник англичанина, Петроград, 1915–1917»

27 июля (пятница), из письма

Три недели назад я вернулся из Крыма и вчера отправился в Царское Село, чтобы увидеть великого князя Павла [Александровича]. Об императоре и его детях новостей мало. Что-то удастся узнать напрямую, если по случайности в охране есть знакомый офицер; известно, что они все здоровы и работают в огороде, кроме императрицы, которая не выходит. Вокруг тройной кордон охраны, и им не разрешается пересекать первый круг, что несколько ограничивает их занятия; в конце концов, это для их безопасности, и, если бы ты испытал то, что мы испытали на прошлой неделе, ты был бы счастлив иметь охранников для собственной защиты.

Комендант дворца⁶ — честный офицер и джентльмен — делает все, что в его силах, чтобы исполнить их желания.

Вчера вечером ко мне заходил князь Путятин.⁷ Он 23 года состоял при императорском дворе и пробыл 32 дня в крепости. На прошлой неделе у него умер тесть, адмирал Палтов,⁸ один из старейших адмиралов императорского флота. На похороны пришла госпожа Гендрикова,⁹ фрейлина императрицы, и передала от нее соболезнования; это показывает, что они¹⁰ знают обо всем происходящем и им разрешено общаться с друзьями по частным вопросам. Князь удостоверил превосходный характер коменданта дворца.

Я не писал тебе со времени моего возвращения, потому что до вчерашнего дня у меня не было для тебя ничего кроме неопределенных сведений, хотя я и провел некоторое время в Царском Селе. Получил письмо из Кисловодска от великой княгини¹¹ [Марии Павловны]. Она в этом городе на свободе, и ей более не досаждают, но я боюсь, что ее здоровье пострадало в связи с трехмесячным арестом, она жалуется на сердце. Прежде чем я покину Россию, я надеюсь, что смогу увидеть ее.

Мы пережили ужасную неделю. Началось все в 9:30 утра в понедельник, 16 июля, и последнее уличное столкновение было в субботу, 21 июля, в полночь. Я думаю, что вторник был наихудшим [днем] по сравнению с любым из дней первой революции; тогда люди вышли на улицы ради своих идеалов, эта же неделя была [временем] чистой анархии, соединенной с голодом. Утром в четверг

³ См., напр.: Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера. М., 2016; Rappaport H. Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917. London, 2016.

⁴ См.: Smele J. The Russian Revolution and Civil War 1917–1921: An Annotated Bibliography. London; New York, 2003. P. 42.

⁵ Ibid.

⁶ Е. С. Кобылинский, полковник, начальник охраны находившегося под арестом Николая II и его семьи в Царском Селе. *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.*

⁷ М. С. Путятин, князь, свитский генерал-майор.

⁸ С. И. Палтов, в 1917 г. генерал-лейтенант по адмиралтейству.

⁹ А. В. Гендрикова, фрейлина Александры Федоровны.

¹⁰ Т. е. бывший император и его семья.

¹¹ А. Стопфорд именует ее по мужу «Grand Duchess Vladimir». Мария Павловна (Мария Александровна Элизавета Элеонора Мекленбург-Шверинская), вдова великого князя Владимира Александровича, брата упомянутого в тексте Павла Александровича.

настал критический момент для посольства. В 5:30 всех призвали приготовиться покинуть здание. В 11 часов капитулировал расположенный напротив дом балерины,¹² занятый анархистами, а без четверти час [сдалась] крепость.¹³ Погода была жаркой и душной, я думаю, что революции лучше [делать] зимой.

<...>

Новости с фронта были в этот вечер очень плохими. Керенский — у него есть еврейская кровь¹⁴ — живет в Зимнем дворце. Встал вопрос об отправке императора и его семьи в Сибирь, в город Тобольск, в 400 верстах от железной дороги.

[В записях с 29 июля по 5 августа содержится описание пребывания А. Стопфорда в Кисловодске, куда он доставил деньги для великой княгини Марии Павловны.]

8 августа (среда), из дневника

Тверь. Из вагона дал мальчику-попрошайке белого хлеба — он видел его впервые за три года!

9 августа (четверг), из дневника

Прибыл в 11:15 на Николаевский вокзал, Петроград — с опозданием на 16 часов! Обедал с великим князем Борисом [Владимировичем] в Царском Селе. Долго говорил с ним наедине.

10 августа (пятница), из дневника

Обед в посольстве, [где встретил] генерала сэра Чарльза Бартера,¹⁵ генерала Нокса¹⁶ и лорда Илчестера¹⁷ (дипломатического курьера). Позже [отправился] с Илчестером в Юсуповский дворец, где пели цыгане.

11 августа (суббота), из дневника

Император и его семья всё еще в Царском Селе, никто не знает, почему откладывается их отправка в Сибирь. Ему сказали об этом, и у него нет возражений. Верно, что императрица не может ходить, но я сомневаюсь, что причина в этом. Назначено всё было на 26 июля, четверг. Кажется, что теперь-то всё спокойно, но вчера, по пути из дворца Юсуповых, совсем недалеко от меня было несколько выстрелов. Сейчас и единственный выстрел может начать сражение. Тишина вызывает гораздо больше беспокойства, чем шум, но посол уехал в четверг на пять дней в Финляндию, из чего я заключил, что он не слишком обеспокоен на данный момент.

Желание хлеба вызвало революцию, и то же самое может привести к контрреволюции. Нечего есть, более всего я страдаю от отсутствия масла.

Возвращался домой рано утром по Морской, и часовой крикнул мне что-то, что я не понял. Я продолжал [идти], он кинулся ко мне с примкнутым штыком, направив его мне в грудь. Я не мог уйти и встал неподвижно. Гулеску,¹⁸ прославленный *chef d'orchestre*,¹⁹ который играл на нашем ужине, проезжал мимо и, выскочив из экипажа, объяснил, в чем дело. Он перевел мне [слова солдата]: «Лучше уйти на фронт и убивать немцев, чем мирных союзников!»

14 августа (вторник), из дневника

Император и его семья уехали с вокзала в Царском Селе этим утром в 5:35.

15 августа (среда), из дневника

Привез госпожу Татищеву²⁰ из Министерства иностранных дел в собор Петропавловской крепости. Смотритель сказал мне, что люди сейчас приходят, как и перед революцией, поставить свечку на могилу императора Павла, которая всегда была объектом почитания, поскольку люди верят, что это возвратит их сыновей невредимыми с войны. Я поставил на могилу две свечи, одну за великую княгиню [Марию Павловну] и одну за себя, а потом мы пошли в новую церковь, где я поставил свечу на могилу великого князя Владимира [Александровича]. Оттуда мы поехали в монастырь, где был погребен Иоанн Кронштадтский. В посольстве рассказал послу подробности отъезда императора, которые я узнал от непосредственного свидетеля. На Дворцовой набережной видел Керенского в императорском роллс-ройсе, разговаривающего с приятелем.

¹² Судя по всему, имеется в виду особняк Матильды Кшесинской. После Февральской революции его занимали не анархисты, а большевики. Там размещались важные партийные организации.

¹³ Петропавловская крепость.

¹⁴ Популярный в те годы слух.

¹⁵ Чарльз Сент-Леджер Бартер, британский военный представитель при русской Ставке, сменивший генерала Хэнбери-Уильямса.

¹⁶ Альфред Нокс, генерал-майор, военный атташе Великобритании в России в годы Первой мировой войны.

¹⁷ По всей видимости, это У. А. Фокс-Странгуэйз, 8-й граф Илчестер, работавший на дипломатической службе.

¹⁸ Видимо, И. Т. Гулеско, известный в Петрограде музыкант.

¹⁹ Дирижер (фр.).

²⁰ Судя по всему, это В. М. Татищева, супруга Б. А. Татищева, в 1917 г. занимавшего должность директора канцелярии МИД.

19 августа (воскресенье), из письма

<...> У меня есть сведения об отъезде императора и его семьи от человека, который был на вокзале. Поезд должен был отправиться в 2 часа ночи, но из-за того, что большое количество багажа отправлялось вперед на другом поезде, они не уехали до 5:35. Гвардейцы отдали императору честь, когда он покидал дворец. Император, великий князь Алексей и императрица проехали в открытом автомобиле до станции, четыре великие княжны были в другой машине, они были в белых платьях. Их головы были обриты после кори. Император беспрестанно зажигал и отшвыривал сигареты. У императрицы стояли слезы в глазах. Великий князь Алексей плакал — бедный маленький мальчик! Ты не должен забывать, что они дожидались отъезда с двух часов ночи, больше трех часов. Четыре великие княжны не выказывали никаких эмоций.

Великий князь Михаил [Александрович] прикатил вчера из Гатчины в дом своего кузена Бориса [Владимировича] в Царском Селе, где он оставил свою супругу, графиню Брасову. Затем он пошел во дворец и увиделся с императором, они постояли вместе, разговаривая, не более пяти минут. Керенский и офицер стражи находились в комнате все время и смотрели в окно. Великий князь Михаил попросил разрешения увидеть императрицу, но ему не позволили. Братья обнялись. Великий князь Борис [Владимирович] рассказал мне, что когда его кузен вернулся после визита, то был настолько подавлен, что не мог говорить. Граф Бенкендорф²¹ несколько дней спустя задал Керенскому вопрос, *à propos*²² касающийся дворца, и Керенский ответил: «Они вернутся сюда в ноябре».

<...>

Правительство становится слабее с каждым днем; они упустили психологический момент, не взяв всю власть после большевистской революции (18 июля), которая, кстати говоря, была самым неприятным опытом. Корнилов — невысокий сильный мужчина, и мы еще можем увидеть его во главе военной диктатуры. Я предвижу впереди много проблем и много крови.

20 августа (понедельник), из дневника

Прибыл в Могилев в 1:40 пополудни, автомобиль из Ставки ждал меня. [Сначала направился] в гостиницу «Бристоль», где размещены союзные офицеры. Оттуда — в Полевое управление авиации и воздухоплавания,²³ где управляющий,²⁴ кавказец, немедленно принял меня.

<...>

22 августа (среда), из дневника

Могилев. В Управлении начальника военных сообщений²⁵ встретил моего кавказского генерала, который провел меня в комнату для офицеров, представив им меня и побранив за то, что они не заботятся обо мне должным образом. Вернулся в «Бристоль» на обед с представителями союзных держав по приглашению генерала сэра Чарльза Бартера. Сел между ним и Мордвиновым, чудесным русским, в ялтинской усадьбе которого я гостил вместе с Оболенскими.²⁶ За ним был румынский генерал, воодушевленный хорошими новостями из Румынии о сопротивлении Макензену. Во главе стола находился итальянский капитан Массенга, друг всех моих друзей, приятный и веселый. Наш генерал был слева от него. Напротив нас сидели два французских офицера, майор и капитан. Майор [был] чрезмерно любезен, француз в самом своем крайнем проявлении. На другом конце стола расположились майор Нильсон и лейтенант Портерс, из нашего штаба.²⁷ Обед был неплох, хотя генерал и жаловался [на него]. Сравнивая с Петроградом, я признал его великолепным. После обеда генерал увлек меня в свою комнату, угостил сигарой и рассказал множество интересных вещей.

На данный момент генерал Бартер — правильный человек на правильном месте. В Ставке благодаря ему Англия полностью контролирует все, что нужно. Он единственный представитель при Ставке, который был вызван Корниловым в Москву на совещание. Представители других союзных держав говорили мне, что он располагает полным доверием Корнилова, которого видит по два раза на день и с которым играет в карты. Французы не пользуются расположением из-за их слишком откровенных высказываний о безобразном поведении русской армии.

²¹ Граф П. К. Бенкендорф, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал. Находился рядом с бывшим императором и его семьей в Царском Селе.

²² Кстати (фр.).

²³ Aviation H.Q. у А. Стопфорда.

²⁴ Видимо, В. М. Ткачѳ, генерал, летчик. Кавказцем А. Стопфорд его называет, вероятно, потому что Ткачѳ родился в семье войскового старшины в Кубанской области.

²⁵ Wireless H.Q. у А. Стопфорда.

²⁶ А. Стопфорд, возможно, путает двух Мордвиновых — Анатолия Александровича, который был флигель-адъютантом Николая II, и Александра Александровича, владельца имения «Хорошая пустошь» в Ялте, который должен был в это время находиться во Франции.

²⁷ Сведений об упомянутых румынском, итальянском, французских и британских офицерах найти не удалось.

Лейтенант Портерс пришел, чтобы проводить меня к машине, приготовленной для меня генералом. На станции, в трех верстах отсюда, нашел зарезервированное за мной купе в вагоне Ставки, который был прицеплен к киевскому экспрессу, охраняемому унтер-офицером и двумя солдатами. Ехал вместе с Георгием Поповичем,²⁸ кузеном короля Черногории, направлявшимся на встречу с Корниловым, которого он знал всю свою жизнь, поскольку вырос в России.

Он рассказал мне, что один полк написал Корнилову: «Пожалуйста, дайте нам [другой] флаг и заберите красный, потому что германцы издеваются над нами и говорят, что красный флаг — это знак дома с худой славой!»²⁹

<...>

26 августа (воскресенье), из письма

Я должен отдохнуть. Я почти так же худ, как при серьезной болезни. Нечего есть — масла нет в течение четырех дней. Я не беспокоюсь. Я не жалуясь. *Je constate*.³⁰ Я должен был поехать в Ставку — превосходная погода, и я наслаждался визитом. Некоторые говорят, что «страх России хуже, чем сама Россия», и я думаю, что это правда. Во время последних бунтов я упивался уличным боем, но я смертельно боялся, покуда он длился, и смертельно устал после его окончания.

<...>

28 августа (вторник), из дневника

Бахер (Bacher)³¹ из «*Entente*»,³² газеты, которая оказывает союзникам такую хорошую услугу, пришел посоветоваться со мной. [Затем я отправился] в посольство. Его Превосходительство³³ и леди Джорджина,³⁴ скоро отбывающие на острова,³⁵ попросили меня сопровождать их. Я объяснил ему схему работы газеты Бахера. Наткнулся на мертвеца, сидящего у *izvoschik*.³⁶ Ничто не может удивить в России!

28 августа (вторник), из письма

<...>

Корнилов приехал в Петроград увидеть Керенского. Отвратительный Совет рабочих и солдатских [депутатов] жаждет отстранить Корнилова, потому что они видят, как он постепенно завоевывает сердца солдат, — стоит сказать, уже 600 000 казаков, кавалерии и большей части юго-западной армии.

Речь Керенского, открывавшая Московское [государственное] совещание, обернулась провалом. Она была выдержана в том же напряжении, которое он привык использовать перед агрессивными солдатами. Его путь почти закончился. Всё сейчас очень отличается от того, что было 12 лет назад. После 1905 г. благодаря поддержке армии всё было надежно, сейчас же потеря армии на второй день революции привела к отречению императора. Недавно великий князь Михаил [Александрович] пошел как простой гражданин в кинотеатр в Гатчине. Его узнали солдаты, которые запели гимн «Боже, царя храни». Он ретировался, и вполне правильно. В театре в Москве начали играть «Марсельезу», а народ закричал «Довольно», и тогда оркестр исполнил «Боже, царя храни».

Мать Корнилова происходит из [семьи] уроженцев Туркестана. Его всегда подозревали в участии в конфликте на стороне буров, когда те воевали с Англией. Когда его спросили об этом, он усмехнулся: «Не совсем. Я, переодетый в обычную одежду, был в северо-западных провинциях Индии, работая на русскую секретную службу». Он говорит на английском превосходно. Тысячи писем идут к нему с фронта. Артиллерийская батарея, испрашивая разрешения вести огонь по [солдатам] соседнего пехотного полка, пишет, [что] «они называют себя *Fils de la Patrie*,³⁷ но на самом деле они *Fils des chiens*³⁸».

<...>

Я рад наблюдать твердую поддержку, которую наш посол получает в Палате общин. Он был настолько феноменален, взвалив на себя весь груз союзников и приняв все удары *roug quatre*.³⁹ Я не могу понять, почему правительство не шлет ему отзыв в Англию и не дает точной информации

²⁸ Сведений о нем не найдено.

²⁹ Видимо, немецкие солдаты намекали на то, что красный флаг обозначает бордель.

³⁰ Я констатирую (фр.).

³¹ Личность установить не удалось.

³² Газета выходила в 1917 г. в Петрограде на французском языке и была предназначена для пропаганды среди союзников.

³³ Британский посол Джордж Бьюкенен.

³⁴ Джорджина Бьюкенен, его супруга.

³⁵ Имеется в виду Каменный остров.

³⁶ Так в тексте.

³⁷ Сыновья родины (фр.).

³⁸ Сыновья собак (фр.), т. е. буквально «сукины дети».

³⁹ За четверых (фр.), т. е. за Великобританию, Францию, Италию и США.

о нынешнем положении. Кроме того, он, бедняга, заслуживает долгого отдыха. В Петрограде и во многих других городах эпидемия дизентерии. Затронула она и его. Погода не слишком жаркая, как сентябрь в Италии. Я надеюсь уехать через две недели и буду счастлив покинуть эту беспокойную страну, хотя безгранично ее люблю. В Петрограде нечего есть, нет ни молока, ни хлеба, ни масла.

Я слышал о сражении в Риге между русскими и латышскими солдатами. Немцы подкинули ночью в русские окопы трехрублевые банкноты. Считают, что банкноты сделаны в Германии, но я не уверен в этом.

Возможно, еще до моего отъезда произойдет многое из того, что я слышал, и тогда я увижу Петроград, пропитанный кровью, но так даже лучше. Бедствие должно быть прекращено, отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Р. S. Сегодня церковный праздник. Я заглянул в обетную церковь, выстроенную на месте убийства Александра II. Храм был полон народа, и по окончании службы, как это делалось и до революции, священнослужители прошли к западному приделу, чтобы вознести молитвы за умершего императора на том месте, где под навесом, освещенным постоянно горящими лампами, сохраняется мостовая — точно такая, какая была в 1880 г. В тот момент, когда священнослужители возносили молитву за упокой его души, все преклонили колени, включая даже солдат и раненых.

Я забыл, описал ли в предыдущем письме такую правдивую историю. 13-го марта, на четвертый день революции и 37-ю годовщину убийства императора, в одной из петроградских церквей читали зауспокойную молитву. Какой-то солдат закричал: «Вы что, не знаете, что революция, и никто больше не молится за мертвых царей?» Священник обернулся к нему и произнес: «На небесах нет никакой революции», — и продолжил службу.

<...>

1 сентября (суббота), из письма

Здоровье императрицы Марии [Федоровны] недавно заставило поволноваться, это результат всех испытаний, которые она вытерпела. Она не должна тревожиться, и ей запрещено покидать комнату. Ей только недавно сказали об отъезде сына и его семьи в Тобольск, и это, естественно, вызвало расстройство. Керенский телеграфирует новости о ней в посольство, поскольку газеты полны тревожных сообщений.

Мы все снова очень взволнованы. Правительство, страшась Советов, всё еще медлит с наделением Корнилова необходимой властью, чтобы восстановить порядок в армии. В Казани произошел пожар из-за солдат, которых немецкие агенты снабдили выпивкой.⁴⁰ То же самое может случиться и здесь в любой день. Это *la Jacquerie*,⁴¹ которой с некоторого времени я очень боюсь. Надеюсь, что смогу уехать отсюда через десять дней, но в этот промежуток времени может многое случиться.

<...>

7 сентября (пятница), из письма

Великие князья Михаил [Александрович] и Павел [Александрович] со своими семьями... помещены под арест в своих домах. Ходят слухи, что это произошло из-за безответственных политических разговоров их жен.

Когда имперские изгнанники уезжали в Сибирь, маленький цесаревич услышал, как кто-то сказал: «Какой замечательный автомобиль у Керенского!» Мальчик ответил: «Почему, это же один из папиных!»

<...>

8 сентября (суббота), из дневника

У Рауля, виноторговца, видел милиционера, устроившего перепалку с солдатом, который имел разрешение на вино. Милиционер оказался большевиком, переодетым полицейским, чтобы конфисковать вино в свою пользу, но солдату удалось уйти.

9 сентября (воскресенье), из дневника

Герцог де Линь⁴² приехал из Румынии и остановился на ночь по пути в Европу. Бахер из [газеты] «*Entente*» пришел сообщить, что министр иностранных дел Терещенко, пока находился *en route*⁴³ в Ставку для переговоров с Корниловым, был остановлен телеграммой от Керенского. Бахер не знает причины. Я немедленно сообщил об этом по телефону в посольство.

⁴⁰ А. Стопфорд пишет, видимо, о большом пожаре на Казанском пороховом заводе в августе 1917 г. Катастрофу многие (в том числе и Л. Г. Корнилов) объясняли происками немецких агентов.

⁴¹ Жакерия (фр.), название восстания французских крестьян в годы Столетней войны.

⁴² По-видимому, Анри-Флоран Ламораль де Линь, бельгийский военный и дипломат.

⁴³ На пути (фр.)

Вечером, около семи, Бахер сообщил по телефону, что произошли важные события и он расскажет подробности позже. Я передал всё леди Джорджине, которая дожидалась возвращения Его Превосходительства. Ему позвонили днем из Министерства иностранных дел, куда он пошел по возвращении. Бахер прибыл только после девяти часов и рассказал мне всю историю. Терещенко был отозван Керенским, поскольку Корнилов послал ультиматум Временному правительству и арестовал Филоненко⁴⁴ в Ставке. В ответ Керенский без промедления сместил Корнилова с поста главнокомандующего, но последний решительно отказался сдать и был уже на пути в Петроград с казаками.

У госпожи Половцовой,⁴⁵ у которой я был около десяти часов, всё это подтвердилось. Было далеко за полночь, когда я вернулся и получил еще одно послание от Бахера, который явился в три часа ночи с известием о небольшой *détente*,⁴⁶ но всё же Корнилов с казаками должен выступить на Петроград.

10 сентября (понедельник), из дневника

Хлеба нет с пятницы. Не видел Бахера целый день. Он пришел в два ночи, новости все хорошие. Гвардейский Измайловский полк перешел к Корнилову, который уже собрал более 70 тыс. войска.

11 сентября (вторник), из дневника

Хлеба — только один кусок!

Праздничный день, но в Казанском соборе (кафедральный храм на Невском) мало людей, верный признак общего беспокойства. Мириады свечей горят перед Казанской иконой [Божией матери]. Днем [был] в церкви Измайловских казарм, видел четыре грузовика, доставлявших туда патроны. Несколько офицеров сказали мне, что встретили великого князя Михаила [Александровича] на машине с охраной. Его везли из Гатчины в Главный штаб. Мои окна открыты весь день, я надеюсь услышать первые звуки прибытия казаков. Полдень миновал, и я, не услышав выстрелов, пал духом, предчувствуя, что *coup d'état*⁴⁷ провалился.

Ушел в пять часов в связи с настойчивым приглашением поужинать в Царском Селе с великим князем Борисом [Владимировичем], которого я обнаружил сидящим в кресле с видом воплощенного страдания; первый раз со времени отречения [императора] он был так сильно расстроен. По пути назад вдоль всей трассы стояли [правительственные] войска. Частная линия [связи] с императором, доселе неприкосновенная, ныне уничтожена. Она связывала многие другие линии. Перед поездкой на ужин проехал в Павловск в надежде связаться с корниловским авангардом, который занял [окрестные] леса. Правительственные войска не дали мне пройти. Телефонная связь с Петроградом была разорвана.

12 сентября (среда), из дневника

Несколько последних дней стоили целой жизни. Вчера я пережил больше противоречивых эмоций, чем когда-либо со времен убийства «Неназываемого».⁴⁸ Объявление о сдаче Корнилова, хотя и опубликованное во всех газетах, пришло только от Временного правительства. Несколько членов французской миссии, которых я встретил в холле гостиницы, подтвердили эту новость. Они все оценивают ее как трагедию. Что до меня, то я до сих пор не вполне уверен; потребуется время, чтобы подтвердить «новости» Временного правительства. Пока что от Корнилова ничего не слышно.

13 сентября (четверг), из письма

Болел целый день из-за перенапряжения нервов после чрезмерных вчерашних нагрузок. Люди всех классов глубоко разочарованы трагедией просчета Корнилова. Из-за выступления Корнилова 60 тыс. рабочих были вооружены Временным правительством. Оружие осталось у них, так что мы полностью в их власти. Сен-Совёр⁴⁹ рассказал мне, что в полку в Выборге убили офицеров.⁵⁰ В 6:30 [вечера], поскольку я не подавал признаков жизни целый день, мне позвонила леди Джорджина спросить, нет ли каких-нибудь новостей.

Всё кончено! Корнилов пал. Как это произошло, мы еще не знаем, но сегодня его под арестом доставят в Петроград. Если бы он выиграл, как должен был бы, если уж приступил к столь важному делу, мы сумели бы восстановить порядок.

⁴⁴ М. М. Филоненко, русский политический деятель, адвокат. Был помощником генерала Корнилова в Ставке. М. М. Филоненко отказался выступить вместе с генералом.

⁴⁵ Скорее всего, это Н. А. Бобринская, урожденная Половцова, сестра дипломата А. А. Половцова, хорошего знакомого А. Стопфорда.

⁴⁶ Разрядка (фр.).

⁴⁷ Государственный переворот (фр.).

⁴⁸ Т. е. Григория Распутина. А. Стопфорд оставил в своей книге описание его убийства. См.: The Russian diary of an Englishman, Petrograd, 1915–1917. London, 1919. P. 83–87.

⁴⁹ Арман де Сен-Совёр (Saint-Sauveur), представитель французской компании «Шнейдер–Крезо».

⁵⁰ Известно множество случаев расправы солдат над офицерами после сообщения о начале Корниловского мятежа. А. Стопфорд далее кратко передает слухи о расправе над офицерами в Выборге.

Днем видел в посольстве капитана Роуланда Смита,⁵¹ чье суждение, несомненно, правильное. Предвидя неудачу Корнилова, он объяснил свои соображения два дня назад, когда исход корниловского выступления был всё еще не определен. Он думает, что в данном случае была не какая-то измена, а скорее страх, распространившийся в Петрограде в ожидании прихода Корнилова.

<...>

В течение понедельника и вторника все дезертиры, месяцами слонявшиеся по улицам и переполнявшие трамваи, исчезли. Дворец великого князя Андрея [Владимировича] был отведен Временным правительством для Чернова, министра земледелия, германского еврея по фамилии Либерманн.⁵² В 3 часа ночи во вторник — с автомобилем, ожидающим с полуночи, — он и его супруга вместе с ужасно невоспитанными детьми и домочадцами, предвосхищая вход Корнилова в Петроград, спешно очистили [здание] и только после полудня вернулись назад как в воду опущенные, чтобы снова занять дворец. Если бы только Корнилов пришел, весь Петроград был бы его, без сомнения. История повторяет себя — 18 фрюктидора!⁵³

Из Тобольска доходят слухи о том, что крестьяне из окрестностей, несколько тысяч, без преувеличения, под предводительством [некоего] святого человека встали на колени перед дворцом⁵⁴ в городе и молились за императора. Солдаты не могли рассеять их. Они провозгласили его «императором Сибири». Такие новости, как можно предположить, не могут быть допущены к публикации.

Арестованные великие князья и их семьи сегодня [находятся] в Петрограде, размещенные в Министерстве внутренних дел. Из-за двух глупых женщин, возможно, оба великих князя отправятся в Сибирь! Моя великая княгиня тихо живет на Кавказе, и если ее захотят отправить в Сибирь, то я буду очень беспокоиться о ее здоровье. Она живет своей собственной незаметной жизнью, *et elle ne se mêle de rien*.⁵⁵

<...>

Поскольку попытка Корнилова восстановить порядок провалилась, я скажу тебе, что продвигу, как снова перетасуются карты. Керенский уже полностью в руках Советов. Советы сейчас фактически обладают полной властью, и большевики будут всё более наглеть и попытаются свергнуть правительство, а затем наступит анархия, с 70 тыс. вооруженных рабочих. И с большевиками, среди которых преступники всех мастей. Провал Корнилова меня подкосил, и вчера я не мог ходить. Всё еще продвигу море крови, прежде чем наступит порядок.

[...]

14 сентября (пятница), из дневника

Вечером узнал от леди Джорджины, что посол слег с лихорадкой. Посреди ночи был разбужен телефонным звонком, [сообщили о том,] что Керенский смещен, что Чернов и Скобелев⁵⁶ намереваются сформировать министерство. Высшая власть, таким образом, переходит в руки советов. Позднее выяснил, что советские члены правительства ушли *en masse*⁵⁷ в Смольный институт, оставив Керенскому и четырем другим министрам всю полноту власти после целой ночи переговоров до 7 утра. Как долго он сможет удержать власть, остается неясным. Однородное советское правительство означает резню и сепаратный мир с Германией.

15 сентября (суббота), из дневника

Новостей нет целый день. Всё тихо, даже слишком тихо, на самом деле. Позже, к вечеру, пришли известия: Советы дают Временному правительству десятидневную передышку до [своего] выступления; Терещенко должен был увидеть посла утром; днем послы союзных держав собрались в британском посольстве и были допущены в спальню Его Превосходительства, где пробыли около двух часов. По счастью, ему лучше сегодня. В 7 часов я почувствовал себя более уверенно [относительно ситуации], и в 11 часов моя уверенность еще более укрепилась.

<...>

17 сентября (понедельник), из письма

<...> В субботу днем Временное правительство прислало охрану в английское посольство, но к вечеру ситуация успокоилась, и вчера была объявлена Республика.⁵⁸ Поскольку Корнилов разбит, усиление Временного правительства — это всё, о чем можно просить.

⁵¹ Rowland Smith. Один из сотрудников британского посольства, переводчик русской литературы.

⁵² Слух о еврейском происхождении М. В. Чернова, лидера партии эсеров и министра земледелия во Временном правительстве с мая по август 1917 г., был довольно широко распространен и устойчив.

⁵³ Переворот 4 сентября 1797 г., установивший диктатуру Директории во Франции, но одновременно подготовивший почву для прихода Наполеона Бонапарта к власти.

⁵⁴ А. Стопфорд пишет о дворце (palace), хотя бывший император и его семья были помещены в Тобольске в губернаторский дом.

⁵⁵ Она ни во что не вмешивается (фр.).

⁵⁶ М. И. Скобелев, один из руководителей Петросовета, министр труда во Временном правительстве с мая по июль 1917 г.

⁵⁷ В полном составе, сообща (фр.).

⁵⁸ Республика была провозглашена 1 (14) сентября, текст решения был опубликован 3 (16) сентября.

Тем временем новости из разных городов самые тревожные. 26 генералов и офицеров убиты в Выборге. Одна англичанка наблюдала за этим. Несчастный офицер, брошенный в реку [с моста], пробыл там не менее часа, а затем солдаты забили его палками. Один генерал настоял на том, чтобы [ему дали] самостоятельно спрыгнуть с моста. За этим последовала расправа над офицерами в Двинске. Князь Вяземский был убит своими крестьянами, ему сначала выкололи глаза, и его мучения продолжались несколько часов.⁵⁹ Его супруга находилась в доме и видела всё это.

<...> Прошлой ночью обедал в посольстве. Посол всё еще в постели с лихорадкой. За столом были леди Барклай (супруга нашего посланника в Яссах) и генерал сэр Чарльз Бартер из Ставки. Генерал виделся с Керенским днем и [попытался] если не заступиться за Корнилова, то по крайней мере объяснить премьеру ситуацию. Провал Корнилова всё еще окутан тайной, но нет сомнений в том, что Керенский был в сговоре с Корниловым и что из-за измены — или сумасшествия — Львова⁶⁰ Керенский бросил Корнилова в трудную минуту.

20 сентября (четверг), из письма

Я только что получил письмо от великой княгини из Кисловодска. Она сообщает, что 13–14 сентября [члены] комитета рабочих и солдат пришли в ее дом в 2:30 ночи и оставались до 6 утра, открывая, обыскивая и переворачивая всё вверх дном. Я немедленно написал об этом Терещенко. <...> У меня нет новостей из Крыма, но один англичанин, намеревавшийся остановиться там с друзьями, получил письмо о том, что лучше ему не приезжать.

<...>

24 сентября (понедельник), из дневника

Хлеба не было ни вчера, ни сегодня. В посольстве встретился с военно-морским атташе капитаном 2-го ранга Гринфеллом,⁶¹ которого поблагодарил за его помощь во время моего пребывания в России. Ужинал в [ресторане] «Донон».⁶² Преображенские гвардейцы ограбили ресторан, искали вино и унесли всё, что им показалось подходящим, в том числе и мой ужин!

26 сентября (среда), из дневника

Вчера [ездил] в Царское Село к великому князю Борису [Владимировичу] попрощаться и пожелать удачи. Он был очень печален и сказал: «Вы — моя последняя связь с цивилизацией». По возвращении отправился в посольство поблагодарить Его Превосходительство и леди Джорджину за их бесконечную доброту в течение всего моего пребывания в России.

6 октября (воскресенье), из дневника

Абердин [Шотландия]. Сошел на берег в 9 утра, счастлив снова увидеть полисменов.

Yaroslav A. Golubinov

Candidate of Historical Sciences, Samara State Medical University (Russia, Samara)

E-mail: i.golubinov@gmail.com

“IT IS ALL OVER!”: FROM THE DIARY AND LETTERS OF ALBERT STOPFORD ON SITUATION IN PETROGRAD, JULY–SEPTEMBER 1917.

In 1917 many foreigners from Entente powers became witnesses of tragic events in Russia. Their diaries, letters, memories of this period are extremely important, since they allow us to get a more objective picture of the processes taking place at this time in Russia. Of course, foreigners, like the residents of Russia, were biased in their assessments of what was happening, sympathized with certain political forces. The presented publication of excerpts from diary entries and letters of British subject Albert Stopford, who was in close contacts with members of the upper circles of the Russian Empire, vividly represents how the Russian revolution and the political and social chaos of 1917 were perceived by the British establishment. Stopford, carrying out the instructions of the British Embassy, describes a picture of the gradual collapse of the state. The main motive of Stopford's

⁵⁹ А. Стопфорд передает слухи о действительно имевшем место убийстве князя Б. Л. Вяземского в его тамбовском имении.

⁶⁰ Львов — кузен бывшего главы правительства — был послан из Москвы Керенским в Могилев для наблюдения и докладов о тамошнем положении. Очевидно, он добился расположения Корнилова и, как говорят, сдал генерала Керенскому, возможно, в приступе безумия. Примеч. А. Стопфорда.

В данном случае А. Стопфорд пишет о неоднозначной роли В. Н. Львова, бывшего обер-прокурора Синода, во время переговоров между Корниловым и Керенским.

⁶¹ Commander H. G. Grenfell. Исполнял с 1912 г. обязанности военно-морского атташе в британском посольстве в Санкт-Петербурге. Других сведений найти не удалось.

⁶² Располагался на Набережной реки Мойки в доме № 24.

---

records is uncertainty in the future due to the anticipation of bloodshed, which could have happened because of the escalation of political struggle into the civil war. Unlike many other foreign observers Stopford did not intersect with the Bolsheviks, who remained for him a wild, unbridled force which was capable of finally destroying the world of old tsarist Russia. After his departure from Russia Stopford published anonymously in London the book of his diaries and letters. These records were an important milestone in the propaganda war during the years of foreign intervention and the Civil War.

Keywords: *revolution, Russia, 1917, Provisional Government, Russian imperial family, Bolsheviks, ego-documents*

REFERENCES

- Clarke W. M. *Hidden Treasures of the Romanovs: Saving the Royal Jewels*. Edinburgh: NMS, 2009, 160 p. (in English).
- Cross A. *In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge: Open Book Publishers, 2014. XVI + 432 p. (in English).
- Rappaport H. *Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917*. London: Hutchinson, 2016, 464 p. (in English).
- Rossiya 1917 goda v ego-dokumentakh: Zapiski reportera* [Russia in 1917 in ego-documents: Notes of the reporter]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2016, 510 p. (in Russ.).
- Smele J. *The Russian Revolution and Civil War 1917–1921: An Annotated Bibliography*. London; New York: Continuum, 2003, 656 p. (in English).
- The Russian diary of an Englishman, Petrograd, 1915–1917*. London: William Heinemann, 1919, 229 p. (in English).